

В ожидании ответного письма от матушки, Великой старшей принцессы-покровительницы государства Вэнь Тянь, Ше Цзе коротал дни в кабинете, уединённо исследуя пределы возможностей Небесного камня.

Сперва юноше казалось, что в его руки попал истинный божественный артефакт, способный заглянуть на пять веков в прошлое и на столько же — в будущее. При такой силе — к чему возиться с арендой жилья? Куда заманчивее сделаться великим провидцем и гадать придворным вельможам. Деньги потекли бы рекой, а жизнь превратилась бы в сплошной праздник!

Однако вскоре пришлось признать: он крупно заблуждался.

С одной стороны, исторические жизнеописания, сокрытые в Небесном камне, выдавались далеко не на каждого встречного. Требовалось обладать немалым величием, чтобы удостоиться упоминания в будущих хрониках — неудивительно, что личность старого управляющего усадьбы камень распознать не сумел. С другой стороны, артефакты прямо упредили его: дабы уберечь Ше Цзе от безрассудных порывов переписать историю, доступные сведения строго дозировались. Например, повествуя о Фан Чаоцы, Небесный камень умалчивал о его кончине и не раскрывал деяний, которые тому лишь предстояло совершить.

Ше Цзе, однако, не сдавался.

«А как же моя матушка? — пытал он артефакт. — Какое описание заготовлено для Великой старшей принцессы-покровительницы государства?»

[Принцесса-покровительница государства Вэнь Тянь — старшая дочь Тай-цзуна, государя Великой Ци. Рождена императрицей Цысянь, приходится единоутробной сестрой Жэнь-цзуну и Шэнь-цзуну. Одна из величайших долгожительниц среди принцесс в истории. Отметилась славными победами на поле брани, командовала тысячами воинов. Плечом к плечу с дедом сокрушила тиранию предыдущей династии и воздвигла нерушимый престол новой империи. Умом, статью и отвагой превосходила многих мужей.]

[В правление Тай-цзуна наречена принцессой государства Лу. При Тай-цзуне титулована принцессой-покровительницей государства и выдана замуж за Ше Хэ, государственного гуна Лу. В начале правления Жэнь-цзуна возведена в ранг старшей принцессы-покровительницы государства. С воцарением Вэнь-ди пожалована титулом Великой старшей принцессы-покровительницы государства, а позже — Великой старшей императорской принцессы-покровительницы государства. В эпоху правления Шэнь-цзуна... В эпоху правления Императрицы...]

Дальше Небесный камень не распространялся: на дворе стояла эпоха Шэнь-цзуна, и таинственная правительница ещё не успела взойти на престол.

Впрочем, даже этих скудных строк Ше Цзе хватило с лихвой для бурной радости. Шутка ли — его матушка названа одной из величайших долгожительниц в истории! Что это значило?

Насколько Ше Цзе помнил из рассказов, в былые эпохи долгожительницами величали тех принцесс, кто перешагнул рубеж в восемьдесят лет. На фоне того, что в Великой Ци средний век человека составлял жалкие тридцать три года, за здоровье матушки можно было не тревожиться. Она точно со всем справится.

Во-вторых, его младшему дяде, Вэнь Пэньцзы, суждено было войти в анналы под храмовым именем Шэнь-цзун. Известие успокаивало: это куда лучше бесславных и позорных эпитетов вроде «Дикий», «Распутный» или «Тёмный», которых Ше Цзе втайне страшился.

Пускай имя «Шэнь» не сулило великих триумфов, по крайней мере, оно не ложилось на род несмываемым позором.

Что крылось за этим именем? Если упростить, сущая нелепица — ни то ни сё, как пресловутые куриные кости, которые и глотать неудобно, и бросить жалко. Назвать его правление великим не поворачивался язык, но и великих бедствий, способных навлечь гнев Небес и ропот подданных, он не учинил. Не зная, как подступиться к столь туманной эпохе, придворные историки будущих времён просто отмахнулись, наградив правителя туманным «Шэнь».

Памятуя о нраве своего дражайшего дядюшки Вэнь Пэньцзы, Ше Цзе не сомневался: подобного посмертного титула тот удостоился исключительно потому, что поспешил сложить с себя власть при первой же возможности.

А значит, таинственная Императрица воцарится совсем скоро.

Но кто же она такая? Не стоит ли ему загодя подобраться поближе и снискать её милость? Или, напротив, костями лечь, но преградить ей путь к трону, дабы лишить опоры и не допустить возвышения коварного временщика Фан Чаоцы?

Небесный камень зрил в корень: Ше Цзе действительно вознамерился переписать историю. Знать наперёд, что грядёт беда, и ничего не предпринять — разве не верх глупости? Нет подходящей возможности? Что же, он создаст её сам! Вся великая ответственность и чувство долга, коими природа столь скупно наделила юношу, ныне без остатка ушли на это благое дело.

Что до личности будущей Императрицы, то первой Ше Цзе вычеркнул из списка собственную матушку. Причина лежала на поверхности: Небесный камень выдал её титулы без малейших изъятий, а это говорило о многом. Похоже, Вэнь Тянь суждено было остаться Великой старшей императорской принцессой-покровительницей государства до скончания веков, что было просто прекрасно. Ратные подвиги — вот где лежала её душа, а императорский престол матушка, точь-в-точь как дядюшка Пэньцзы, считала сущим наказанием. Кабы она возжелала править, в былые годы её старшему брату, императору Жэнь-цзуну, трон бы точно не достался.

Ше Цзе внезапно осенило, и лицо его исказилось от неподдельного испуга.

«Неужели дитя в чреве Вдовствующей императрицы Не — девочка?!»

Учитывая, с каким маниакальным упорством дядюшка Пэньцзы мечтал избавиться от короны, он вполне мог отречься в пользу младенца, будь то мальчик или девочка. В конце концов, Срединная равнина уже знала времена женского правления — имя великой Императрицы У гремело на всю Поднебесную.

Впрочем, постой... Разве Императрица У не прибрала к рукам власть, отняв её у собственного сына?

«... Только не говорите, что этой правительницей станет Не Сянжун», — пробормотал Ше Цзе.

Он и сам не понимал, то ли вопрошает Небесный камень, то ли говорит с самим собой.

Разум его теперь напоминал сорвавшегося с привязи дикого скакуна — мысли неслись вскачь, и остановить их было выше его сил.

Не Сянжун была супругой его покойного кузена, императора Вэнь-ди, а ныне носила титул Вдовствующей императрицы Не и ждала дитя. Но способна ли она, переступив через собственного новорождённого младенца и ропот сановников, самолично взойти на престол?

Ше Цзе принялся лихорадочно воскрешать в памяти образ Вдовствующей императрицы.

Увы, безуспешно.

И не удивительно: их пути никогда толком не пересекались. Да и с какой стати? Будучи девицей на выданье, Не Сянжун благонаравно не покидала родных покоев, а став хозяйкой дворца, безвыездно жила на женской половине. Где бы Ше Цзе мог с ней свидеться?

Все его познания ограничивались досужими рассказами покойного кузена. Тот описывал супругу как утончённую, добродетельную и на редкость одарённую натуру. Муж и жена души друг в друге не чаяли, находя общий язык в каллиграфии и живописи. Они принадлежали к той редкой породе чутких душ, что способны пролить слезу над увядающим цветком, — словом, лучшей пары нельзя было и помыслить.

Единственной тенью на их браке оставалось бесплодие Не Сянжун. Несмотря на это, Вэнь-ди, упорно оберегавший свой романтический обет верности до гробовой доски, наотрез отказывался брать наложниц.

Ше Цзе за свою жизнь не встречал семьи чуднее: супруг устраивал неистовые сцены, отказываясь впускать в дом других женщин, пока благоверная упрекала его в неблагодарности предкам и твердила о грехе бездетности.

Стоило Ше Цзе вспомнить те семейные баталии, как губы его сами собой расплывались в улыбке.

Его кузен, слывший образцом благородства и выдержки, рядом с супругой то и дело терял самообладание. Раз в месяц он непременно призывал Ше Цзе во дворец ради душевных излияний:

— Я-то не спешу, так чего она изводится? — сокрушался император. — Мы ведь едва сыграли свадьбу, подумаешь — нет наследника! Моя матушка тоже понесла не в первую брачную ночь. Жун-нян всем хороша, да только слишком печётся о моей чести, боится суда досужих языков...

Юный Ше Цзе лишь кривился в ответ, не желая выслушивать эти притворные жалобы, за которыми скрывалось бесстыдное хвастовство семейным счастьем.

Ше Цзе и по сей день не знал, можно ли назвать подобный союз истинной любовью. Ему было ведомо лишь одно: брат до гробовой доски оставался верен своей единственной супруге. Она же, стоя перед пустой могилой Вэнь-ди, не проронила ни единой слезинки.

Новость о гибели мужа она приняла со странным хладнокровием. Будучи на сносях, вдова с непоколебимым спокойствием провела церемонию погребения пустых доспехов. Никакие пересуды придворных о её душевной чёрствости не заставили дрогнуть ни единую жилку на её лице. Уладив дела, она уступила чертоги новому владыке Шэнь-цзуну, а сама удалилась в загородное имение у горячих источников, закрыв двери для гостей.

Лишь престарелая мать Не Сянжун да Великая старшая принцесса-покровительница государства навещали затворницу в её уединении.

Из писем матушки Ше Цзе знал, что бремя давалось вдове нелегко: её изнурял непрерывный токсикоз, однако она с пугающим упорством заставляла себя принимать пищу вопреки слабости. Лицо её неизменно хранило печать холодного спокойствия — даже спазмы не могли выжать из неё ни слезинки.

Понять, какие мысли зрели в её голове, было выше его понимания.

Пока Ше Цзе безуспешно ломал голову, Вдовствующая императрица уже прибыла в земли Цзянцзо и тайно укрылась во временной резиденции у горы Фэнхуан. Резиденция эта оказалась настолько крошечной, что диву давались даже слуги.

Чтобы представить размеры этого убежища, довольно упомянуть об одной забавной уловке, к которой прибегали в главном зале даже после недавней перестройки: там то и дело меняли надвратные таблички.

К примеру, в дни великих празднеств слуги спешно вешали надпись «Зал Великого Торжества». Когда государь вознамеривался совершить поминальный обряд, чертог

превращался в «Зал Светлого Чертога». Для утренних аудиенций держали сразу три сменные доски: ежели к трону призывали военачальников, над входом появлялось наименование «Зал Военных Учений». Прочие службы справлялись схожим образом.

Каждое утро, задолго до первых лучей солнца, дворцовым слугам приходилось изрядно попотеть: вывески менялись ежедневно, а порой и по несколько раз за день.

Один-единственный покой служил разом для всех нужд.

Слишком тесна была временная резиденция, чтобы выстроить в ней отдельные чертоги под каждую государственную заботу.

За всю историю Срединной равнины ни один монарх не влачил столь непритязательное существование, как ныне правящий Шэнь-цзун. Временами государь и сам умилялся собственной бедности, но расширять резиденцию не торопился. Мужа рода Вэнь на протяжении четырёх поколений свято чтит завет не тратиться на помпезное строительство. Предыдущие владыки рассуждали здраво: сколь бы ни ломилась от золота казна, в государстве найдутся дела поважнее, нежели ублажение царственной плоти.

Сам Шэнь-цзун столь возвышенными помыслами не отличался и, под стать Ше Цзе, питал слабость к неге и покою. Однако со дня на день ожидалось рождение его внучатого племянника. Император здраво рассудил: его собственный век в этих стенах недолог, тогда как будущему наследнику суждено провести здесь жизнь. К чему городить хоромы на свой лад? Вкусы у всех разные, и если юному преемнику не понравится убранство, труды пойдут прахом. Разумнее приберечь казну, предоставив мальчишке возможность перестроить всё по собственному разумению, когда тот возмужает.

Ну а пока — какая благодать! Сменил дощечку над дверью, и готов новый зал, не нужно ноги бить да бродить из палаты в палату. С этой приятной думой Шэнь-цзун ласково погладил свой округлый, сытый живот.

Придворные сановники в один голос вздыхали:

— Наш Гуаньцзя воистину близок к народу...

<http://bllate.org/book/19472/1979616>